

Марко Вовчок

Сельская идиллия

Марко Вовчок
Сельская идиллия

«Public Domain»

1874

Вовчок М.

Сельская идиллия / М. Вовчок — «Public Domain», 1874

«Был знойный, душный польский полдень. Солнце ослепительно сияло на безоблачном небе. Обширное поле спелых колосьев стояло так неподвижно, словно вылитое из золота. Поле перехватывали мягкие, темно-зеленые, усыпанные розовой кашкой, спрыснутые утренним ливнем межи; над межами тихонько, чуть-чуть волновался легкий пар. По полю куда-то вилась узкая проселочная дорожка. Вдали синел большой лес...»

Марко Вовчок Сельская идиллия

(Из дневника неопытной помещицы)

Был знойный, душный польский полдень. Солнце ослепительно сияло на безоблачном небе. Обширное поле спелых колосьев стояло так неподвижно, словно вылитое из золота. Поле перехватывали мягкие, темно-зеленые, усыпанные розовой кашкой, спрыснутые утренним ливнем межи; над межами тихонько, чуть-чуть волновался легкий пар. По полю куда-то вилась узкая проселочная дорожка. Вдали синел большой лес.

Жатва уже началась. На некоторых участках поля виднелись сложенные копны, под которыми отдыхали жницы.

Вероятно такой именно благодатный день описал нам поэт Кольцов в своей «Жнице»:

Высоко стоит
Солнце на небе,
Горячо печет
Землю матушку.

Как хороша его жница

Душно девице,
Грустно на поле,
Нет охоты жать
Колосистой ржи;
Всю сожгло ее
Поле жаркое,
Горит гормо все
Лицо белое...

И здесь, перед моими глазами была жница... Она одна не спала, тихо сидела поодаль под тенью копны и как будто о чем-то задумалась.

И у этой, подумала я, может статься:

Ох болит у ней
Сердце бедное,
Заронилось в нем
Небывалое!

Я видела из за колосьев только часть её лица, полосу красного головного платка, да белый рукав рубашки. На сколько можно судить издали, она была молода, красива, нищета не наложила на нее своего отвратительного отпечатка.

У меня забилося сердце...

Поэт Кольцов, подумала я, писал в тяжелые времена, но если даже тогда находились светлые черты в народной жизни, то что же теперь, когда народу живется вольнее, когда он развивается и совершенствуется?

Мне вспомнились слова Алексиса Витиеватова на обеде у предводителя, и сердце мое забилося еще сильнее...

«Сладко следить за народным развитием, хорошо, любо чувствовать, что посильно содействуем народному благу! Будем же идти бок о бок с народом, будем его заботливо поддерживать на тернистой стезе самосовершенствования! Тут требуются жертвы, но разве кто из нас убоится жертв?»

Как дружно все крикнули: «никто! никто!» и как залпом выпили шампанское за народ! Даже я, сама не помню как, проглотила полный бокал. Я бы тогда огонь проглотила.

Я глядела на жницу и спрашивала себя:

О чем она задумалась? Какие её желания и стремления? Чем подарила ее жизнь? Чего она еще ждет от этой жизни? Какие бури она вынесла? Какие видала радости и печали?

У меня явилось непреодолимое желание заглянуть в её внутренний мир. Кто знает, думала я, может статься тут встретятся такие психологические тонкости, каких и не ожидаешь... Может статься, нечаянно обнаружатся замечательные черты нравов и обычаев...

– Подойду, заведу разговор, решила я, и авось что-нибудь выведаю, авось удастся заглянуть в этот простой, но полный свежести и поэзии внутренний мир.

Следуя по цветущей меже, я направилась в сторону задумавшейся жницы, и чтобы привлечь её внимание, стала тихо покашливать.

Жница тотчас же оглянулась и на мой поклон ответила поклоном.

Я подошла ближе и начала с жалобы на усталость, мучительный зной и жажду.

Она, прикрывая личико младенца, уснувшего у её груди, предложила мне испить водицы из глиняного кувшинчика, который стоял тут же во ржи, спросила, кто я такая, издали ли меня Бог несет, и подвинулась, давая мне местечко сесть в тени.

Она тотчас угадала, что я не «тутошняня».

– Погулять в наши края приехали? спросила она.

– Не погулять, а поработать, ответила я ей. Она оглянула меня еще раз с ног до головы.

Я была в совершенно простеньком сером платье, в совершенно простенькой шляпке.

– Учить что-ль маленьких господ по-немецки? спросила она.

– Нет.

– Что-ж. вы вышиваете что ль узоры? Тут жила раз такая барышня, что вышивала, – и не сказать ник уж она, бают, красно вышивала!

Я постаралась ей объяснить, что не все барышни занимаются немецким преподаванием да узорами. Сердце у меня рыло переполнено, я говорила не стесняясь. Я силилась дать ей понять, что у нас есть задачи более высокие, что мы теперь всею душой преданы делу народного образования, а следовательно народному благу, что мы хотим передать народу свои знания, что знания для него необходимы в видах его будущего... Я, разумеется, излагала все это простым, доступным для неё языком, но она все-таки мало меня понимала. Я видела по её лицу, что все мои слова для неё китайская грамота.

– Вы меня понимаете? – спрашивала я. – Понимаете, что я говорю?

– Понимаю, – отвечала она с улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.